

© 2018

Виталий Бирюков

доктор экономических наук, профессор

Омской гуманитарной академии

(e-mail: sciencebv@gmail.com)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ВИДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье обосновывается альтернативная целерациональной модели ценностно-рациональная модель экономического поведения, позволяющая выявлять эндогенные связи экономического поведения с культурными и институциональными переменными, а также механизмы влияния ценностно-нормативных факторов на развитие экономики.

Ключевые слова: экономическое поведение, культурологическая парадигма, экономическая реальность, культура, этика, экономические ценности, экономические институты.

DOI: 10.31857/S020736760001440-3

Парадигмальные альтернативы видения экономической реальности. В продолжающихся на протяжении многих десятилетий и обострившихся в последние годы дискуссиях о реалистичности современных экономических концепций и моделей внимание все больше акцентируется на критическом анализе методологических оснований экономической теории, связанных с использованием моделей поведения, на которые опираются исследовательские подходы.

Осмысление экономической наукой складывающихся в экономике динамичных и многоплановых изменений происходит разными путями. Разработка более реалистичных исследовательских стратегий обеспечивается за счет осуществления определенных изменений модели рационального поведения, которые определяют ключевые различия между конкурирующими подходами, их аналитическими возможностями и границами применения. Возникающие в связи с этим типологические отличия альтернативных стратегий характеризуются набором важнейших признаков: рациональность инструментальная и ценностная, постоянная и переменная, полная и ограниченная, индивидуалистская и коммуникативная, экономическая и неэкономическая, гомогенных и гетерогенных агентов, основанная на экзогенных и эндогенных предпочтениях и др.

Трансформация мейнстрима экономической науки происходит за счет обновления её облика, не затрагивая «жесткого ядра», и касается лишь «предохранительного пояса» — отдельных предпосылок и аналитических моделей, изменение которых возможно лишь в принятых парадигмальных рамках, сложившихся более ста лет назад и давно уже устаревших. Опора ортодоксальной экономической теории на позитивизм и методологический индивидуализм обуславливает использование рабочей модели, модификация которой возможна лишь в рамках способа целеполагания, соответствующего неоклассической интерпретации рациональности.

Неоклассическая модель «принимает цели, мотивы и предпочтения индивидов как данные и допускает лишь рассуждения о средствах. Это приспособительная модель ... Проблема ценностей как проблема выбора между разными целями, как вопрос о том, по каким критериям совершать этот выбор, методологически исключается» [1. С.40]. В связи с этим эволюция теорий мейнстрима сопровождается фактически изменениями только инструментальной составляющей модели рационального поведения, а её мотивационное ядро сохраняется.

Принцип методологического индивидуализма, формируя категориальное ядро экономического мейнстрима, сегодня входит в большинство концепций и моделей. Вместе с тем в рамках индивидуалистической методологии не удается преодолеть трудности, связанные с необходимостью интеграции культурных и институциональных аспектов в разные модели и концепции. Так, сегодня на статус доминирующего направления мейнстрима претендует неоинституциональная теория экономики, которая в качестве альтернативы неоклассической модели полной рациональности предлагает модель ограниченной рациональности. В рамках этой теории разрабатываются различные концепции институциональных изменений и институционального предпринимательства; однако все они исходят из экзогенной трактовки культуры и институтов. В последние десятилетия исследовательские стратегии в рамках мейнстрима активно разрабатываются на основе использования междисциплинарных подходов и соответствующей модификации рабочей модели. Так, в поведенческой экономике обращается внимание на то, что поведение экономических субъектов формируется на основе селективного восприятия реальности и использования эвристических принципов, что приводит к когнитивным искажениям, ошибкам и отклонениям от строгой рациональности. Однако данный подход не затрагивает мотивационного ядра индивидуалистической модели рационального выбора.

Совершенный в последние десятилетия методологический «поворот к культуре» предполагает разрыв с позитивизмом, господствовавшим в сфере познания на протяжении большей части XX в. Данный поворот позволил гуманитарным и социальным наукам радикально переосмыслить методологические инструменты исследований и их понятийный аппарат, а также способствовал зарождению новых областей знания. В связи с этим появились предпосылки парадигмального пересмотра доминирующих в экономической науке исследовательских программ и методологических установок. Сложившееся в настоящее время институциональное направление в российской экономической науке преимущественно сфокусировано на поиске модификации неоинституциональной версии, сформировавшейся в рамках ортодоксальной парадигмы. При этом вне должного внимания остаются происходящие сдвиги в когнитивной ситуации, которые приводят к тому, что разрабатываемые сегодня все новые институциональные теории основываются на возникшем в рамках культурологической парадигмы конструктивистском подходе [2. С. 120-121].

Конструктивистский подход предлагает использование логики коммуникативного действия, в соответствии с которой во взаимодействие вступают ценностно-рациональные субъекты, ценностное восприятие мира которых определяется тем, как они его понимают.

В последние годы под влиянием происходящих в социальном познании глубоких теоретико-методологических преобразований в зарубежных странах наметилось появление новой волны исследований. В связи с этим О.Ананьин пишет, что «фактически речь идет о более радикальной революции нежели маржиналистская. Последняя перефокусировала внимание на причинно-следственные связи, которые ранее не были непосредственным предметом изучения, но неявно все же предполагались — рациональность поведения была общей точкой отсчета и для классиков, и для маржиналистов. Когнитивно-культурологический поворот, наоборот, требует введения в картину экономической реальности качественно новой причинно-следственной цепочки, связанной с поддержанием культурных кодов, составляющих содержание институциональной среды экономической деятельности» [3. С. 96-97].

Указывая на то, что неинституциональная экономика останавливается на полпути, Д.Норт утверждает, что экономическая парадигма — неоклассическая теория — создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Попытка разобраться в экономических изменениях требует фундаментальной перестройки образа мысли [4. С. 7]. Вместе с тем сегодня, по мнению А.Кламера, возникает альтернатива позитивистскому видению экономики, ориентированному на теорию рационального выбора; данная альтернатива в отличии от «дороги выбора» выступает как «дорога ценностей» [5]. Это предполагает реформатирование исследовательского взгляда с целерациональной модели поведения на ценностно-рациональную модель, соответствующую интересубъективной природе экономической реальности [6]. Использование в качестве методологической предпосылки в рамках культурологической парадигмы ценностно-рациональной модели позволяет рассматривать экономическую реальность как особую сферу культурной деятельности общества и культурного творчества субъектов, выйти на новую область исследований и преодолеть ограниченность конкурирующих теорий, основанных на экзогенном понимании взаимосвязи экономического поведения с культурными и институциональными факторами.

Системно-динамическая интерпретация культуры и экономическое поведение. Многим теоретикам, как отмечает Д.Лал, вопрос о культуре в экономическом развитии представляется неопределенным, путанным и бесплодным, но практики, занимающиеся разработкой программ экономического развития, указывают на важность культуры. В связи с этим он ссылается на книгу Л.Харрисона «Кто процветает. Как культурные ценности формируют экономический и политический успех» [7. С. 15].

Значимость институтов для экономического развития достаточно четко была установлена и общепризнана еще в конце XX в. Выполненные масштабные эмпирические исследования, в том числе в Гарварде — форпосте экономического мейнстрима, показали, что особенности культуры суще-

ственно влияют на развитие национальной экономики и экономические изменения: инновационную деятельность и управление знаниями на национальном и организационном уровнях, результаты корпоративной и индивидуальной экономической деятельности. Как отмечают А.Алесина и П.Джулиано, эмпирические исследования культуры – относительно новая область экономической науки. Большинство работ ориентированы на то, чтобы в принципе показать значимость культуры, ее отдельных характеристик. Когда описываются изменения, то обычно под культурой понимаются ценности и убеждения, можно сказать неформальные правила; этот подход использован в большинстве эмпирических работ [8. С. 87 - 88]. Вместе с тем ограниченное понимание культуры только как совокупности неформальных правил приводит к тому, что общепринятый подход к измерению культуры способствует широкому распространению идей культурного детерминизма.

Обсуждение роли культуры в экономической науке предполагает прояснение данного понятия, которое приобрело много значений. В связи с этим важно учитывать, что под влиянием культурологического поворота в социологической, политологической и социально-философской литературе в последние десятилетия достаточно широко распространено понимание культуры как социокода, сложной, исторически развивающейся системы надбиологических программ, выраженных в символических формах, с помощью которых хранятся, транслируются и генерируются знания и представления о мире, используемые при решении практических проблем и адаптации к меняющейся материальной и социальной среде [9].

Культура как феномен сознания присутствует во всех формах и сферах человеческой деятельности, она обуславливает институциональные практики и коммуникативные действия, и, в свою очередь, меняется под их влиянием. Экономическая культура страны, представляя составную часть национальной культуры, характеризует сложную систему символических программ экономической деятельности, проявляющихся на трех взаимосвязанных уровнях – когнитивном, ценностном и экспрессивном. Она выступает как особый тип ориентации на экономическое действие, обусловленный сложившимся видением картины экономической реальности, спецификой системы экономических связей и ценностей общества.

Новые когнитивные условия позволяют разрабатывать системно-динамический подход к культуре, в соответствии с которым каждый экономический субъект участвует в сложной и динамичной системе экономических взаимодействий, обладая «независимыми» свойствами как автономная единица и «зависимыми» свойствами, определяемыми принадлежностью его к данной системе. Включенность субъектов в систему экономических связей обуславливает двойственность экономической деятельности, ценностных предпочтений, целей и интересов, противоречивое единство их индивидуальных и общих ментальных и поведенческих характеристик, сложившихся в ходе коммуникативных практик и связанных с использованием материальных и нематериальных ресурсов в условиях разделения труда и огра-

ниченности знаний о меняющейся реальности. Как отмечает Ю.Князев, ошибочность господствующего в общественных науках методологического индивидуализма состоит в том, что **«во внимание принимается и абсолютизируется лишь одна, эгоистическая сторона человеческой сущности, но совсем не учитывается вторая её сторона – присущий человеку коллективизм ... Названием более адекватного реальности методологического подхода мог бы стать «методологический дуализм» как антипод одностороннему индивидуализму и как отражение двойственной природы человека»** [10. С. 12].

Ядро каждой культуры образует ценностные ориентации людей, которые характеризуют сложившиеся представления о значимых элементах бытия и исходя из которых люди совершают свою деятельность. Культурологический поворот способствовал формированию современной волны исследований культурных ценностей. Указывая на появление этой волны, Э.Таракьян отмечает, что хотя ценность весьма значимо раскрыта в концепциях классиков – Маркса, Дюркгейма, Вебера, Зиммеля – она стала неуловимым, «дремлющим» концептом, когда социальную науку стали представлять «свободной от ценностей». Вместе со смежной областью – «моралью», они обе стали «подозреваться» в том, что они порождают «иррациональность» или, по крайней мере, субъективность, которые могут негативно влиять на научные исследования. Избежать этого стало можно в случае крупномасштабных международных исследований, подобных тем, что вёл Р.Инглхарт [11. С. 22].

Рассмотрение культуры как способа мышления субъектов, с помощью которого конструируются индивидуальные и коллективные модели и формы экономического поведения, предполагает отказ от упрощенных представлений о ценностях. Любое решение человека выступает как выбор, который затрагивает человеческие ценности [12. С. 7]. При этом на основе коммуникативных практик формируются различные виды культурно-ценностных представлений: экономические, социальные, правовые, политические, технологические и экологические ценности; долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные ценности; микро-, мезо- и макроценности; национальные (локальные) и общекультурные (универсальные) ценности и другие виды ценностей. Утвердившиеся в ходе коммуникативных практик ценностные представления о предпочтительном способе поведения в данных условиях становятся убеждениями, переходят в стереотипы поведения и нормы коммуникативных практик. Признание значимости ценностей не отрицает необходимости причинных объяснений действий людей и механизмов развития экономических процессов, но только на основе ценностей можно обнаружить их смысл.

Поведение акторов в экономике определяется множеством мотивов и соответствующим множеством ценностей как правил предпочтения и критериев, по которым происходит экономический выбор. В связи с этим, отмечает Л.Тевено, важно реализовать подход, в котором признается наличие множества причин, лежащих в основе мотиваций, ровно как и множества способов координации. Рациональность, мотивирующая рыночный обмен, является одним из множества возможных способов

обоснования действия. Различные модели координации, в рамках которых определяются «правила игры» при взаимодействии людей, отличаются способом обоснования ценностей и предполагают собственную постановку задачи о принятии решения в условиях неопределенности и свой механизм его реализации [13. С. 69].

Субъекты являются не только носителями сложившейся в ходе коммуникативных практик экономической культуры и образующих её центральную зону экономических ценностей, но и их создателями. Они конструируют экономико-культурные предпочтения и способы их реализации на основе накопленных знаний и ожидаемых перемен в экономике. При этом смена экономико-культурных ценностей не происходит автоматически, а представляет собой сложный процесс конструирования соответствующих идей, их фильтрации и тестирования. Ценностный подход к анализу проблем модернизации предложили ещё во второй половине XX в. Э.Шизл и К.Гирц, опираясь на идеи М.Вебера. С учетом этого в рамках культурологической парадигмы в конце прошлого века разрабатываются теории многомерной модернизации (Ш.Эйзенштадт, Э.Таракьян, П.Штомпка, Р.Инглхарт и др.), в которых направления социальных перемен связываются с культурными ценностями и историческими паттернами их институализации.

Эволюция экономических структур и поведения субъектов предполагает поддержание баланса традиций и новаций, преемственности и изменчивости в соответствии с вызовами реальности, выражая зависимость ценностно-рациональной деятельности не только от прошлого, но и от будущего. Культурное ядро каждого общества включает в себя прошедший тест на трансляцию во времени и пространстве набор взаимосвязанных, противоречивых, взаимодополняющих и разделяемых ценностных представлений, позволяющих поддерживать предпочтительный баланс частных и общих интересов. Разнообразие условий развития цивилизаций обуславливает появление качественно различных вариантов связки парных оппозиций ценностей, характеризующих важнейшие аспекты взаимодействия индивидуальности и холизма (свобода и регламентация, конкуренция и сотрудничество, равенство и неравенство, традиции и новации и др.). На данной основе возникают качественно отличные друг от друга типы социокультурных систем, с присутствующими им ценностно-нормативными и институциональными формами, а также коммуникативными практиками в экономической, политической и других сферах. Вместе с тем для прояснения механизмов, обеспечивающих создание системно-связанных норм и правил поведения различных субъектов, находящихся в иерархических отношениях, требуется переосмысление понятия культуры на основе определения роли этических ценностей как особого эндогенного способа согласования различных интересов и конструирования на этой основе институциональных и коммуникативных практик в экономике.

Этико-нормативный поворот в интерпретации экономической реальности. Важной составляющей происходящих в экономической науке кардинальных сдвигов является «нормативный поворот», возникший вслед

за уходом гегемонии позитивистско-философских идей и ориентированный на поиск более реалистичной интерпретации связи рациональности и этики. Обусловленный онтологическими, гносеологическими и праксеологическими факторами данный поворот возник во многом под влиянием многочисленных эмпирических исследований взаимосвязи культуры и экономического поведения и критики сторонников современной поведенческой теории. При этом были выявлены систематические отклонения экономического поведения от теоретического стандарта, соответствующего утилитаристской методологии, поскольку при принятии экономических решений для людей важно определение возможного и должного. «В этом смысле этические установки людей... характеристика их реального поведения, игнорирование которого уже на уровне научной онтологии существенно снижает эвристический потенциал соответствующих теорий» [3. С. 88].

Признание вплетенности нормативного начала в экономический анализ предполагает переосмысление понятия экономической рациональности. Для «смягчения» дихотомии позитивного и нормативного в рамках экономического мейнстрима активно привлекается соответствующая его индивидуалистической методологии версия множественных систем предпочтений. Однако, как отмечает А.Сен, опора на такое этическое основание как индивидуалистическая ценность личного интереса и благополучия остается слишком узкой, не принимающей во внимание «аргументы, которые признают широкие ценности или нормативные правила пристойного поведения» [14. С. 244].

Сложившаяся сегодня когнитивная ситуация во многом объясняется трудностями выделения этики как особой сферы деятельности и происходит из подхода к этике как к чему-то вторичному, производному. Вместе с тем ориентированные на рассмотрение морали как составляющей структуры единой реальности современные этические теории стремятся преодолеть односторонность ценностно-нейтрального и морализаторского подходов. В связи с этим рассматриваются типичные ситуации, в которых субъекту важно учитывать интересы всех других лиц, с кем он взаимодействует. В данных ситуациях этический мотив оказывается не некой высшей целью человеческих стремлений, а разумным средством, с помощью которого обеспечивается сочетание различных интересов. Моральный принцип, указывает Ю.Хабермас, «исключает как недейственные те нормы, которые не могли бы получить квалифицированного одобрения у всех, кого они, возможно, касаются ... В качестве действенных принимаются только те нормы, которые выражают всеобщую волю» [15. С. 100].

Культурологическая парадигма предусматривает этико-нормативный поворот в интерпретации механизмов формирования и трансформации институциональной системы экономики с учетом того, что на основе доминирующих этико-экономических ценностей происходит отбор, легитимация и институционализация экономических норм и правил, которые рассматриваются как предпочтительные для обеспечения успеш-

ного роста производительности и конкурентоспособности экономической деятельности и которые, в свою очередь, влияют на формирование этих ценностей. В различных современных институциональных теориях утверждается, что «любой политический режим, сохраняющийся в течение долгого времени, практически всегда опирается на соответствующий нравственный порядок, который формирует политические и экономические системы, а также сам формируется под их влиянием» [16, С. 279–280]. Рассмотрение в рамках конструктивистского подхода этических ценностей как универсального способа согласования различных интересов и регуляции коммуникативных практик в различных сферах общественной жизни приводит к пониманию неформальных и формальных институтов как ценностей, которые должны быть широко распространены, что и создает преимущества такого подхода, связанного со значительной объясняющей силой норм [17].

Экономическая реальность выступает как сложная и динамичная система связей между разнообразными акторами и включает в себя множество явных и скрытых институциональных форм реализации властных отношений. «Правила взаимодействия и распределения ресурсов действуют как источники власти, а в сочетании с моделью акторов выступают в качестве фундамента, на котором происходит конструирование и воспроизводство институтов» [2, С. 121]. Формирование экономических институтов осуществляется под влиянием переговорной силы и властных полномочий на основе достижения культурно-ценностного компромисса, что приводит обычно к появлению общепризнанных и в той или иной степени искаженных «линз», используемых для отбора легитимных норм и правил, дисбалансу властных и институциональных систем, а также распределения частных выгод в пользу доминирующих групп. Последние часто стремятся закрепить этот дисбаланс на основе воспроизводства соответствующей ценностно-институциональной матрицы эволюции экономики. При этом, чем выше уровень дисфункциональности нормативной и институциональной систем, тем менее благоприятные условия возникают для развития национальной экономики, стимулирования хозяйственной и инновационной деятельности, роста человеческого потенциала, накопления нематериальных и материальных активов. Для легитимации своей экономической политики власти обычно стремятся поддерживать должный уровень морального авторитета, обосновать справедливость и необходимость институциональных изменений как отвечающих интересам развития экономики и повышения благосостояния населения. Вместе с тем всегда имеются морально приемлемые границы, в пределах которых доминирующие группы бизнеса и власти могут присваивать ренту в результате дисбаланса институциональной системы. Данные границы определяются уровнем морального авторитета власти и связанным с ним кредитом доверия к проводимому курсу экономической политики. При этом чем выше уровень доверия к власти, тем прочнее её позиции, и более широкий набор экономических инструментов она может использовать.

Опора экономического мейнстрима на методологический индивидуализм предусматривает рассмотрение личной пользы как главного мотива поведения и ориентирует на изменение нормативных оснований устройства общества, так как «индивидууму не надо больше подчиняться моральному закону, указывающему ему на добро и зло, ему надо лишь делать точные расчеты, в которые надо уметь включать всякого рода условия (бюджетные, правовые, социальные, политические и так далее), которые позволяют ему достичь наивысшего удовольствия» [18. С. 200-201]. Использование модели *homo economicus* выступает способом легитимации сложившегося экономического порядка. Неолиберальная модель исходит из абсолютизации значимости таких ценностей как частная собственность и частное предпринимательство, конкуренция и экономическая свобода, которые эксплуатируются в интересах немногих для легитимации сложившегося институционально-регулятивного дисбаланса.

Происходящие перемены в современной экономике складываются весьма противоречиво и обуславливаются усложнением экономических процессов, повышением значимости инновационных и нематериальных факторов, что приводит к изменению роли конкурентных, кооперационных и властных механизмов в формировании производственных и транзакционных издержек. Эволюция нормативных практик сопровождается увеличением радиуса и повышением роли этических норм под влиянием роста благосостояния, человеческого и социального капиталов, значимости этико-репутационных факторов, отношений доверия и сотрудничества [19]. При этом складываются принципиально новые условия для конструирования институциональных форм и бизнес-процессов, позволяющих успешно генерировать и использовать инновации за счет расширения горизонта регулирования инновационной деятельности, устранения провалов рынка и использования экстерналий. Развитие горизонтальных и вертикальных связей происходит в результате инкорпорирования института партнерства, распространения разнообразных форм межфирменной инновационной кооперации и участия в них властных структур.

Вместе с тем усложнение деловой среды и использование неадекватных методов регулирования в рамках неолиберальной модели приводит к появлению законодательных «лакун», высокодоходных предпринимательских стратегий; эгоизм и воинствующий индивидуализм ориентируют на осуществление аморальных и формально не запрещенных «оптимизационных схем» и сомнительных кредитно-финансовых операций. В третьей четверти прошлого века в передовых странах доля доходов от труда повысилась, что сопровождалось более равномерным распределением доходов и высокими темпами роста производительности национальных экономик. В конце прошлого века возникает поворот в тенденциях распределения доходов. Например, 1% американцев с самыми высокими доходами в настоящее время присваивает почти четверть национального дохода и удвоил свою долю за последние 25 лет; этот же 1% населения увеличил свою долю в национальном богатстве с 33 до 40%.

Проблемы современной экономики вызваны не капитализмом, а «эрзац капитализмом», основанным на присвоении ренты и невнимании к интересам большей части населения [20. Р. 88, 125, 194]. Как утверждает Дж. Стиглиц, «мы позволили рынкам слепо формировать нашу экономику, но тем самым они сформировали наше общество... Мы создали общество, в котором материализм подавил моральные обязательства, в котором быстрые темпы роста, достигнутые нами, не могут поддерживать себя ни экологически, ни социально, в котором мы не действуем сообща для обеспечения наших общих потребностей» [21].

Траектория движения российской экономики в последние десятилетия определяется сформировавшейся под влиянием устаревшей правополиберальной парадигмы моделью экономической политики и сложившейся в связи с этим ценностно-институциональной матрицей, не адекватной российским реалиям. Это не позволяет создавать необходимые условия для успешного инновационного развития экономики, эффективного накопления и использования нематериальных и материальных ресурсов. Данная модель ориентирована на воспроизводство дифференциации доходов населения России на критическом уровне (по методологии ООН критическим является показатель индекса Джина в диапазоне 0,410-0,420, оптимальным 0,250-0,260; на протяжении последних 20 лет данный показатель в нашей стране находился в пределах 0,400-0,420, а в странах ЕС в 2016 г. он составлял 0,309). Сегодня на 10% самых обеспеченных российских домохозяйств приходится 90% всех семейных активов страны, а на 0,1% населения - 62% совокупного благосостояния граждан. В связи с неблагоприятными условиями для предпринимательства среднегодовой отток капитала из России, по официальным данным платежного баланса, за последние 10 лет был в 5,5 раз больше, чем за предшествующие 14 лет. Общее накопленное благосостояние граждан России за рубежом оценивается примерно в 2 трлн. долл. [22].

Успешное решение сложных проблем, обусловленных сменой в мировой экономике технико-экономической парадигмы, предполагает пересмотр устаревшей системы экономико-ценностных приоритетов, разработку взвешенно-проактивной экономической политики, способной задействовать новые факторы генерирования и распределения совокупных выгод на основе поиска и конструирования благоприятного ценностно-институционального компромисса интересов всех групп акторов [23]. Как отмечает Гж.Колодко, сегодня «в процесс экономического воспроизводства следует внести новые ценности, но при этом ни на минуту нельзя забывать о прагматизме, который является фундаментальной имманентной чертой рационального ведения хозяйства» [24. С. 47]. Это предполагает переход от политики дерегулирования и создания «правильных институтов рынка» к политике конструирования «этико-реалистичной системы ценностных ориентаций и институтов инновационного развития национальной экономики».

Литература

1. *Козловски П.* Этика капитализма. Эволюция и общество // СПб.: «Экономическая школа», 1996.
2. *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений / Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу // М.: РОССПЭК, 2002. С. 119–156.
3. *Ананьин О.* Экономические онтологии и экономические институты // Федерализм. 2013. №1. С. 96–97.
4. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений // М.:ИД ГУ-ВШЭ. 2010.
5. *Kramer A. A.* Pragmatic View on Values in Economics // Journal of Economic Methodology. June. 2003.
6. *Бирюков В.В.* Ценностно-рациональное поведение и системно- эволюционная парадигма структуризации экономики // Вестник СибАДИ. 2016. №3 (49). С. 119–132.
7. *Лал Д.* Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты // М: «ИРИСЭН». 2007.
8. *Алесина А., Джулиано П.* Культура и институты. Часть 1 // Вопросы экономики. 2016. №10. С. 82–111.
9. Обсуждение книги академика В. С. Степина «Цивилизация и культура». Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2013. №12. С. 3–47.
10. *Князев Ю.* Объективный рынок и субъективное целеполагание // Общество и экономика. 2017. №7. С. 5–20.
11. *Таракьян Э. Н.* Осовременивая Сорокина // Социологические исследования. 2016. №3. С. 15–23.
12. *Мизес Л. Фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории // Челябинск: Социум. 2005.
13. *Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. №10. С. 69–84.
14. *Сен А.* Идея справедливости // М.: Изд-во Института Гайдара: + Фонд “Либеральная Миссия”. 2016.
15. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие // СПб., 2000.
16. *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация / Новая индустриальная волна на Западе // М.: Academia. 1999.
17. *Shiteynberg G., Gelfand M.J., Kim K.* Peering into the «magnum-mysterium» of culture: The explanatory power of descriptives norms // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2009. Vol. 40, No. 1. P. 46–69.
18. *Лаваль К.* Человек экономический: эссе о прохождении неолиберализма // М.: Новое литературное обозрение. 2010.
19. *Полтерович В.* Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. 2016. №11. С. 5–23.
20. *Stiglitz J. E.* The great divide // N. Y.: W. W. Norton & Co. 2015.
21. *Stiglitz J. E.* Moral Bankruptcy. Why are letting Wall Street off so easy? Mother Jones. January/February (<http://www.motherjones.com/politics/2010/01/joseph-stiglitz-wall-street-morals>).
22. *Андрянов В.* Благополучие не для всех // Общество и экономика. 2018. №1. С. 67–95.
23. *Бирюков В. В.* Смена парадигмы промышленной политики в России: от неолиберальной к неиндустриальной // Вестник Омского ун-та. Сер. «Экономика». 2017. №4 (60). С. 5–13.
24. *Колодко Г.* Куда идет мир: политическая экономия будущего // М.: Магистр. 2014.